

меримою с мелкими заданиями европейской политики. И тем самым был бесповоротно осужден приведший Россию к ненужной войне русский европеизм. Русский народ осознал свою великую миссию и свое неразрывно связанное с нею великодержавие. Но этого целиком не поняли ни коммунисты, подменявшие русскую миссию европейской выдумкой, ни белые, которые погибли за русское великодержавие, ибо связывали его лишь с прошлым и с прошлым европейским. На путях новой России, в которой уже нет ни красного ни белого, неизбежны были ошибки, и для ее будущего необходимым было жертвенное утверждение ее великодержавия. Так и те остатки русской армии, которые не влились в красную, а подняли белое знамя тоже приняли участие в созидании новой России — своею самоотверженною гибелью за ее великодержавие.

Д. П. Карсавин

«РИТМЫ ЕВРАЗИИ».

Противники евразийства, критикуя его, бьют мимо. Поборники другого круга идей, они не в силах, повидимому, отрешиться от раз навсегда предписанной им школы, с которой и подходят для оценки наших идей. Получается какой-то своего рода дальгонизм, невозможность различать некоторые цвета. В гамме красок, излучаемых раскаленным революцией телом России, наши критики бессильны отличить подлинное место евразийства. Их спектральный анализ вращается в кругу прежних дореволюционных интеллигентских окрасок, догм. Вновь открывшиеся, инфракрасные, лучи евразийства старыми методами, конечно, неуловимы. В старом спектре их не было. Вернее — в нем они еще не ощущались. Их проявила революция. Об этом коренном свойстве евразийства, на которое пробуют наклеивать какие-то старые пожелтевшие этикетки, особенно сильно думается при чтении *Начертания русской истории*. Автор, Г. В. Вернадский, и комментатор, П. Н. Савицкий, «кладут руля» по евразийской бусоли. Насыщают свежим степным воздухом наше историческое сознание. Дают ощущение устойчивости, крепости. Их строки дышат своей, своеобразной энергией. Русская история, сложившаяся на пространствах Евразии, осмысливается как таковая, без пригонки к схемам западного исторического процесса, протекавшего в условиях существования народов сбитых в тесную кучку, толпившуюся на путях евразийского полуострова, привеска к евразийскому континенту.

Живительное значение подобного подхода к историческому материалу для нас очевидна. Названный труд есть ценное руководство на путях русско-евразийского самопознания. Названный труд (к которому примыкает в отношении геополитическом предшествующая работа П. Н. Савицкого о географических особенностях России) является одним из достижений переплавки русского сознания в горне революционного становления России. Переплавка, в которой улавливаются определенные нами как инфракрасные лучи евразийства.

Противники евразийства, его отрицатели и хулители, постараются, вероятно, втиснуть и *Начертание* в негодные для него рамки старых схем того круга культуры, с которым Россия органически не была и не будет связана. Как метко выразился один из нерусских оценщиков евразийства — для определения своего я оно прежде всего отмежевывается от своего не - я.

Эти беглые заметки просим не рассматривать как отзыв. Они являются лишь настойчиво просившимся под перо выражением отзыва в мыслях при чтении *Начертания*.

Отзвука тем более сильного, что с ним связаны в некотором смысле личные переживания пишущего эти строки. Речь идет о военных действиях на азиатском театре, свидетелем, иногда и участником которых пришлось быть в Персии, в Урмии, на курдском отрезке фронта, в момент максимального напряжения наших сил, тянувшегося от Арарата до Сулеймании. «Геополитическая сторона некоторых операций и походов» монгольских и русских. Ее под-

мечает и Г. В. Вернадский, схватывая общность евразийского ритма в походе Кубилая и в русско-японской войне (стр. 228). Ее же уточняет целым аккордом монголо-русской ритмики и П. Н. Савицкий (стр. 236): И тот, и другой упустили из виду на мой, может быть и небеспристрастный, каюсь, взгляд, — самый разительный и живой пример геополитического совпадения ритмов монгольского и русского военного делания. Мы имеем в виду операции наши на только что упомянутом фронте, которые не только во многом сближаются с монгольскими операциями Хулагу на этих-же плоскогорьях, среди этих-же хребтов, но в значительной части были осуществлены нашими забайкальскими казаками, насчитывавшими в своих рядах не мало бурят, прямых преемников монголов, выделенных теперь, как мы знаем, в автономную бурято-монгольскую республику. Что может быть нагляднее и убедительнее этого красноречивого этнического и геополитического совпадения, этого евразийского ритма, который мы очень сильно ощутили там, далеко, на берегу Урмийского озера. Лишний пример того, как евразийство жизненно, вынесено на гребне действительно бывшего, только что прожитого вчера и станет подхвачено тем, что будет переживаться завтра, а не является чем-то измышленным искусственно. В этом ощущении наша несомненная сила. Так как для нас ощущения, чувства являются столь же сильными фактами, как те факты (особым родом препарированные надо думать?), на которые нас приглашают опираться наши критики, уличающие нас в отрыве от действительности в фантастике, и боящихся зыбкой почвы чувств.

Да, фантастика! все эти еще столь живые в памяти образы. Походная колонна тянется под знойными лучами персидского солнца. Перекресток. Куда итти? Головной дозор верхнеудинцев выставил «маяк». Этакий плосколицый, скуластый, казачина-бурят, со своей винтовкой, пикою, и всяким добром притороченным к седлу. Зорко глядят раскосо-поставленные глаза. Стоит не шелохнется большеголовый, широкогрудый, мохнатый и злой конек его. И дальше потянулась колонна по указанной тропе. «Непрерывность сухопутного пространства», «Освоение его русской государственностью». Читаешь эти формулы и видишь за ними, рядом с бурятом, «братским», русского казака забайкальца; русого, сероглазого, на много здоровее сложением, так-что кажется иной раз будто конек не о четырех, а о шести ногах. Эти освоители евразийских пространств, эти «пари», как сами меж собой перекликаются, поражали меня своей способностью быть у себя в самых глухих углах центрального Курдистана, где каждая экспедиция была не только военной, но и научно географической, где мы часто бродили со слепу, не имея карт; не потому, что по небрежности штабы ими не запаслись, а так как есть в Курдистане места менее известные, нежели где нибудь в Центральной Африке, — белые пятна на карте; так вот в этих самых гиблых местах наши аргунцы, читинцы, нерчинцы и тп., рыскали на мохнатых коньках своих, как у себя дома, ходили дозорами, разведывали, языка добывали, — и все это проделывали так сказать в терминах своей забайкальской географии: ущелия оставались для них и здесь «падями», курдские сакли прячущиеся по этим «падям», были «фанзами», курды — «манзами», просо «чумизой» и кукуруза «гяоляном». Все плоды земные для наших «парей» были безразлично «ягодой», будь то виноград, инджир или дыня. Эта приспособляемость, это свойство духа как бы сжимающего громадные пространства через их уподобление, в соединении с выносливостью и настойчивостью, в другом применении, не в военной обстановке, дали нам Дежневых, Челюскиных и др., часто оставшихся безымянными, освоителей евразийских просторов. На этих просторах менялся волевой центр, направлявший устремления. В XIII в. направление указывалось из Каракорума, в XX в. из Петрограда, но мощность охвата осталась преемственно той же. Благодаря выпуклой схеме **Н а ч е р т а н и я** совпадение ритмов Евразии нами раз навсегда должно быть продумано, прочувствовано и усвоено.

В нашу задачу не входит здесь исследование об эпохе Ильханидов, преемников Хулагу, в истории Персии XIII, XIV в. в. Нам хотелось примером взятым из современности, подтвердить одно из положений **Н а ч е р т а н и я**. Кроме сказанного нужно-ли напомнить, что некоторые географические названия района военных действий так ясно хранят в себе монгольские переживания: перевал Ям (между Джульфой и Тавризом), Саин Кала (к ю. в. от Урмийского озера), Алики — искажение Хулагу, одна из станций Джульфа-Тавризской

ж. д. башня и мост Хулагу в Марагу и т. д. Легенда помещает клад с сокровищами Великого Хана на одном из островов Урмийского озера. Многое можно было бы еще сказать, оставаясь в области этих исторических сближений и реминисценций, если обратиться например к вопросу об айсорах, осколках тех несториан, которые в монгольскую эпоху развили в Монгольской державе поразительную миссионерскую деятельность. В *Н а ч е р т а н и* и не раз говорится о той или иной ханше, что она была христианкой-несторианкой. В последнюю войну потомки несториан, айсоры, гл. обр. горские, из Санджака Хақкяри, во главе с своим Патриархом Мар-Шимуном, были на нашей стороне. Соглашение 1916 года, отдававшее России Армению и Курдистан, было в евразийском аспекте как бы повторением завоеваний Хулагу в этих же местах. Есть мелкие бытовые черточки, которые носят в себе какой-то глубокий смысл. Монголы Хулагу осаждали город Эрбиль (от которого был в каких нибудь двух переходах ген. А. Г. Рыбальченко в 1916 г., находившийся в Равандузе и имевший справа от себя забайкальцев ген. В. А. Левандовского); многие монгольские всадники имели у острия своих пик привешенные крестики; они были несторианами. При взятии Багдада дома несторианского духовенства, «аркауи»-ов избежали «потока и разграбления». Я не мог не вспомнить об этом, так сказать «от противного», рассматривая искусно вышитые цветной шерстью крестики, помещенные у горцев-несториан на их сандалиях, «решик»-ах.

Помимо подтверждения жизненным материалом правильности евразийских построений *Н а ч е р т а н и* я, нам хотелось этими строками напомнить, что было бы позором и ничем не оправдываемым безразличием к памяти павших, если бы одна из самых блестящих по своему историософическому значению страниц нашей военной истории в Азии осталась не написанной.

Когда говорят, — а это бывает так редко, — о «второстепенном» персидском театре, причем речь идет всегда о Кермачшахском (ген. Н. Н. Баратова) направлении, то охотно впадают в мелодекламацию нашего лжеевропеизма с неизбежным упоминанием Александра Македонского, по следам которого... и т. д. Нужно отказаться от этих фальшиво звучащих перепевов. Кампания в Персии должна и может вызывать в нашей памяти не македонские фаланги, шедшие с Запада на Восток и ничем не связанные с евразийскими волевыми и пространственными началами, а всадников-монголов Хулагу. Ярким повторением в широком историческом масштабе считаем мы движение этнически сродных масс по воле — тогда монгольского великого хана, теперь — русского белого царя, Цаган-Хакана. И тогда, и теперь испили евразийские кони тигровой струи.

26.9.1927. Париж.

В. П. Никитин

В ЗАЩИТУ АНАЛОГИИ

Наука о государстве, обществе, человечестве — в общем социология — должна быть отнесена к наукам биологическим, к наукам о живом, об организме. К ним же принадлежит и история, поскольку понимать ее надо шире простого хронологического констатирования. В ряду наук о существе социальном истории принадлежит думается то же место, что медицине в ряду наук о существе биологическом (в узком общеупотребительном смысле этого слова). Отыскание закономерности процесса — задача обеих параллельных наук; в этом отличие прагматической истории от простого летописания и экспериментальной медицины от знахарства.

Методология обеих наук разработана в наше время довольно подробно. Остановлюсь сейчас на одном частном только методе, методе затасканном и опоганенном — но тем не менее первостепенной важности — на аналогии.

Конечно, аналогия — вещь опасная. Кому я думаю не набили оскомины сравнения русской и французской революций. Мне в начале революции пришлось где то вычитать такую аналогию: Робеспьер-Ленин, Дантон — Троцкий, Марат — Луначарский. Некоторая правда имеется конечно и в такой аналогии — если разделить например Робеспьера между Лениным, Сталиным Дзержинским, то фигура получится довольно полная: Дантон и Троцкий — тоже пожалуй аналогия, имеющая некоторый смысл — в те времена даже предсказательский (неудавшийся бонапартизм); ну а Марат — и Луначарский — это пожалуй, как говорят, только для рифмы. Да не в этом дело; не о такой внешней, дешевой аналогии речь.